

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Глава I

Калейдоскоп воспоминаний

*Облетела листва, у природы свое обновленье,
И туманы ночами стоят и стоят над рекой...*

Песня, звучавшая из старенького динамика в центральном парке Озерска, соответствовала не только погоде, но и настроению Игоря.

Середина осени в этом году отличилась неожиданно теплыми днями и холодными, промозглыми ночами, отчего туманными были не только ночи, но и большая часть утра.

Восьми-, вернее, уже почти девятилетняя Ася, она же Настена, которую Игорь каждое утро отводил через парк в школу, ужасно боялась этой молочно-белой непроглядной пелены. И вложив свою маленькую ладошку в отцовскую руку, другой рукой, для верности, придерживала Игоря за край куртки. Отчего-то ей казалось, что так безопаснее.

Путь был не то чтобы очень длинный, но и не короткий. Игорь шел медленно, подстраиваясь под мелкие шажки дочери.

Обычно она подпрыгивала на ходу. Или убегала вперед, а потом разворачивалась и мчалась навстречу, с ра-

достным криком бросаясь в его объятия. Но сейчас дочка шла рядом притихшая и настороженная.

Запах жженой листвы Игорь обожал с детства. Возможно, потому, что с осенними месяцами в его жизни были связаны важные и невероятно счастливые события. Во-первых, сам он родился в конце октября. Чем собственный день рождения не повод для радости?

В дружной семье Быковых он был единственным ребенком. Да еще поздним, а потому особенно долгожданным. Откровенно говоря, баловали его невероятно. Родные и близкие готовы были жить для него двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю.

А уж такие события, как день рождения и именины (в его семье праздновали и то, и другое), естественно, выделялись особо. Меню для детского праздника начинали обсуждать чуть ли не за месяц. Мама и бабушка проявляли такую изобретательность, что их творения впору было отправлять на конкурс кулинаров.

А какие ему дарили подарки! Жили они небогато, и, даже будучи совсем маленьким, Игорь понимал, что любящим его взрослым приходится себе в чем-то отказывать, чтобы накопить, например, на электрическую железную дорогу или громадный конструктор.

Случалось, подарки бывали и некстати. Когда он в двенадцать лет, незадолго до дня рождения, увлекся фотографией, этот факт отчего-то остался не замечен родственниками. И вместо долгожданного фотоаппарата ему преподнесли игрушечный автопарк с большим гаражом и пультом управления для машин, по которому он сходил с ума аж полгода назад. Игорь никак не показал своего разочарования. Более того, старательно изобразил восторг и даже устроил показательную игру под умильными взглядами родителей и бабушки, уверенных, что доставили ему самую большую в мире радость.

Мальчик любил родных. Ему в душу навсегда запал разговор, подслушанный как-то в маленькой кладовке около кухни, куда бабушка послала его за прошлогодней подшивкой «Работницы».

Он немного замешкался, изучая содержимое ящика с инструментами, потом спохватился, ведь бабушка не любила ждать, быстро нашел нужную стопку и собрался уже вернуться в комнату, когда услышал разговор, во многом определивший его отношение к жизни.

— Эх, Толя, избалованный вырастет у вас пацан, — назидательно увещевал сослуживец отца, толстый и усатый Михаил Тимофеевич (видимо, они с отцом зашли перекусить в обеденный перерыв, такое изредка случалось). — Так с дитяами нельзя! Это он сейчас у тебя такой послушный, а как вырастет — наплачетесь вы с ним. Ни к чему им все время потакать!

Дальше последовал длинный монолог о воспитании с теоретическими выкладками и практическими примерами. Из этого монолога мальчик почти ничего не понял, но слушал внимательно.

Сам «Макаренко» — дядя Миша — имел двоих сыновей, один из которых сидел в тюрьме, а второй был запойным алкоголиком. Но об этом Игорю стало известно уже много лет спустя.

А тогда он притих между стеллажами в тесной кладовке. Почему-то стало так обидно, что захотелось плакать. Даже не из-за того, что никогда не нравившийся ему Михаил Тимофеевич пытался обвинить его в чем-то непонятном, что он непременно сотворит, когда вырастет, а оттого, что его, оказывается, не «любят», а просто «балуют» и «потакают». Слова были малознакомые, но неприятные.

— Игорь, ты в Африку, что ли, отправился? — Бабушка в недавнем прошлом была завучем младших классов, по-

этому голосом обладала громким и звучным. Он вжался в угол кладовки, под вешалку, где висели старые плащи и зонты. Выйти сейчас означало признать, что он бессовестно подслушивал. Проскользнуть мимо кухни незамеченным было практически невозможно. Но сколько же можно вот так сидеть, притаившись? Вдруг бабушка устанет дожидаться и отправится его искать? Тогда получится совсем некрасиво.

От отчаяния и растерянности Игорь тихонько заплакал. Он вцепился в рукав мамино дождевика и больно закусил губу. Впервые в жизни он понял, что такое «стыдно». Сейчас бабушка придет за ним и скажет, что его только за смертью посылать (это ее любимая поговорка). Отец, услышав, выглянет из кухни, а за его плечом появится противный толстый дядя Миша, который произнесет довольно: «Ну вот, я же предупреждал! Сейчас он уже подслушивает. А что будет завтра! Подумайте, как избаловали парня!»

— Не найдешь «Работницу», принеси мне «Крестьянку»! — Бабушка не унималась. И наконец, выдала место его нахождения. На кухне наступила тишина. Отец и его собеседник замолчали. Слышно было только, как тарахтел холодильник. Игорь зажмурился. Вроде так легче. Словно ты невидимый. И в этой страшной тишине прозвучал голос отца — неожиданно громкий, словно он нарочно стремился, чтобы сын его услышал:

— Нет, Мишаня, ты не прав. Балуют, чтоб откупиться, когда не могут дать достаточно любви. На, мол, тебе, сынок, машинку, мороженое и двугривенный на карусели. На тебе, дочка, платье и дорогую куклу. Только внимания от меня не требуй. И времени. А мы Игоря любим. И бережем. И когда он станет взрослым, ему тоже захочется так же заботиться и о нас, и о своих детях. Тот, кого

искренне любят, никогда не вырастет ни плохим, ни несчастным. Запомни.

Игорю показалось, что это «запомни» относится именно к нему. Он нащупал в темноте стопку журналов и бросился к бабушке. Страх обнаружить себя почему-то исчез.

Слова, сказанные тогда отцом, он действительно запомнил. И помнил до сих пор. Только ни родителей, ни бабушки уже давно не было на свете.

Радио тянуло:

Потому что нельзя, потому что нельзя,
Потому что нельзя быть на свете красивой такой...

Второе, за что он был благодарен осени, — знакомство с Алей. Целых десять лет назад. А такое чувство, словно все произошло вчера.

Были еще живы родители. Даже бабушка. Потом они ушли быстро, один за другим, словно успокоились, когда он женился. И когда убедились, что в семье у него все благополучно, как и было всегда у них. Как и должно быть у всех.

«Мы отдали тебя в хорошие руки», — шутила мама. И не ошиблась. Альку совсем не изменили ни прошедшие годы, ни рождение дочери. Она осталась точно такой же, какой была до их свадьбы. И даже до знакомства с ним. Игорь помнил ее рассказы о детстве и юности и находил в ее воспоминаниях те же штрихи, которыми отчасти была отмечена их нынешняя жизнь...

Тот сентябрь выдался невероятно жарким. Чуть ли не до октября все ходили в майках и сарафанах и с недоумением поглядывали то на градусник, то на календарь.

«Это не бабье лето — это прямо-таки бабья осень», — улыбалась бабуля. Она выглядела тогда особо оживлен-

ной, потому что неумолимо приближалось событие, весьма значимое для ее жизни.

Озерск — городок небольшой. Двадцатипятилетие средней школы, которую когда-то окончил Игорь и где долго преподавала его бабушка, решили отпраздновать с размахом. Приглашены были все выпускники и, естественно, весь прошлый и нынешний педагогический состав.

Бабушка, разумеется, не могла оставить без внимания столь знаменательное событие, хотя уже десятый год находилась на заслуженном отдыхе. За ее приготовлениями к празднеству, начавшимися более чем за неделю, наблюдали всей семьей. Она купила на сэкономленные из пенсии деньги белую блузку с кружевами на воротнике и манжетах, покрасила волосы в диковато-синий цвет, который почему-то носил название «спелый баклажан», и даже сделала химическую завивку, хотя раньше никогда себе такого не позволяла и всегда ворчала за это на свою взростую дочь.

Игорю на юбилей идти не хотелось. Он совсем не стремился увидеть ни бывших своих учителей, ни одноклассников. Самые близкие когда-то друзья-приятели давно уехали из Озерска в поисках лучшей доли. Кто-то в этом преуспел, а некоторые, наоборот, не выдержав жизненных испытаний, скатились в пропасть. Он знал, что почти у всех, кто придет на праздник, давно уже есть семьи, дети. Казалось, совсем немного времени прошло после окончания школы, но тоненькие загадочные девочки успели превратиться в толстых недовольных жизнью женщин (светлые до белизны волосы с отросшими черными корнями, гардероб «прощай, молодость», ранние морщины и горькая тоска во взоре), по-своему несчастных, бесконечно пытающихся похудеть, но почему-то не стремящихся стать ни жизнерадостнее, ни добрее.

Веселые энергичные пацаны превратились кто в пьющих подкаблучников, а кто в грубоватых циников. Жены будут жаловаться на своих мужей, мужья ругать опостылевших супружниц... И выслушивать все это — удовольствие ниже среднего. Тем более когда дело происходит в небольшом городке и ты и так знаешь все подробности биографии каждого.

При этом можно было не сомневаться, что вопросы: «А почему не женился?», «А когда собираешься?» — будут звучать с занудным постоянством. Как и пожелания побыстрее встретить спутницу жизни и нарожать кучу детей. И шуточные угрозы, мол, смотри, долго будешь выбирать — холостяком помрешь, стакан воды будет подать некому. И это от тех, кто сам, не задумываясь, хоть сейчас бегом побежал бы от уютного домашнего очага куда глаза глядят, бряцая по дороге супружескими цепями, превращенными в кандалы за годы совместной жизни.

Игорь и сам не знал, почему так получилось, что к двадцати восьми годам он все еще не имел в паспорте штамп: «Зарегистрирован брак». Он не был привередлив, просто, в отличие от большинства людей, слишком хорошо знал, что же такое настоящая семья. Хотелось любви, как у его родителей. На всю жизнь. Хотелось понимания и уважения. Тепла и заботы. И не только в медовый месяц, как это обычно бывает.

В общем, в день юбилея Игорь с большей охотой остался бы дома. Но лишить бабушку удовольствия войти под своды родной школы под руку со взрослым внуком он не мог. Слишком трогательными были ее приготовления. Слишком уж большие ожидания она возлагала на эту встречу.

И он скрепя сердце сделал все, чтобы чаяния бабушки оправдались. Разве мог он тогда заподозрить, что имен-

но этим путем судьба уверенно и неумолимо ведет его к его собственному счастью по имени Аля?

Она, само собой, также не могла этого предположить. Хотя и говорила впоследствии, что несколько месяцев до этой встречи жила словно в предвкушении чего-то прекрасного и необыкновенного. Но Игорь смеялся и относил это скорее на счет богатого женского воображения. Вообще он любил, когда она рассказывала про свою жизнь, тем более что она делала это так мило. Плохого старалась коснуться лишь вскользь, будто неприятности не имели никакого отношения к ней и совсем ее не затронули, о хорошем, наоборот, говорила подробно, вспоминала множество ярких деталей и забавных мелочей.

Аля тогда работала в школе первый год, точнее, второй месяц. Преподавала русский язык и литературу и делала это, как большинство молодых педагогов, с энтузиазмом и удовольствием. В ее личном деле в графе «ФИО» значилось: «Алевтина Викторовна Говорова». Но ей самой ее полное имя, да еще в сочетании с отчеством, казалось слишком вычурным и чужим, словно взятым напрокат у какой-то другой женщины — взрослой, высокой, строгой и властной. Она привыкла быть Алей. И дома, и в своей школе, и в институте. Даже на практике, придя на первый в жизни урок, она так растерялась, что представилась сокращенным именем, вызвав недоумение у уверенных ей учеников. Впрочем, это недоумение быстро переросло в симпатию, а затем и в любовь. Семиклассники обожали свою практикантку, но при этом вовсе не «сели ей на шею» и не «позволяли себе с ней фамильярничать», как страшила Алю после того незадачливого знакомства кураторша практики. Говорова стала единственной студенткой, чьи подопечные на уроках вели себя спокойно и выполняли все, что она им поручала.

После института обращение по имени-отчеству стало казаться вполне естественным. Но к холодному «Алевтина» она так и не привыкла.

Компромисс нашелся сам собой. Первого сентября, знакомясь с ребятами, она неожиданно для себя сказала: «А зовут меня Аля Викторовна». И никто не удивился. Все сразу стали звать ее так — и дети, и учителя; первые — с уважением, а вторые — с симпатией.

«У нашей Аленьки сердечко большое, а ручки маленькие», — беззлобно поддразнивал ее седой физик Павел Петрович, единственный мужчина в педагогическом коллективе, известный ценитель прекрасного пола. «Есть женщины ослепительные, есть обаятельные, а есть просто милые, как наша Алечка. Таких милых ни на кого не меняют. Блекнут рядом с милой женщиной любые красавицы. Я-то знаю», — говорил он так, чтоб она слышала, и улыбался. Аля вспыхивала, смущалась, но ей было приятно. Она вообще была невероятно застенчива, даже диковата, возможно, оттого, что росла без родителей. Отца своего она никогда не видела, а мать умерла, когда девочка была совсем еще маленькой. Ее взяла к себе тетка, сестра матери, жившая в деревне, в часе езды от Озерска, одинокая, не склонная к сантиментам женщина. Там, в Сосновке, Аля окончила среднюю школу, потом перебралась в общежитие и жила в нем пять лет, пока училась в педагогическом. После распределения вопрос о крыше над головой стал особенно остро — каждый день мотаться домой, к тетке, было утомительно и накладно. Пришлось снимать комнату в городе, что при скромной зарплате начинающего учителя тоже было непросто. Поэтому уже через несколько недель после их знакомства Игорь настойчиво принялся уговаривать Алю переехать к ним. Девушка долго отказывалась, она очень стеснялась, не решаясь

войти в его семью, и отважилась только незадолго до свадьбы. Но ее опасения оказались напрасными. Стоило худенькой юной учительнице со старой спортивной сумкой через плечо и еще более древним чемоданом в руках появиться на пороге маленькой квартиры в хрущобе на улице Ермолаева, как на нее тут же обрушилось обожание всего дружного семейства Быковых. И в этом не было ничего удивительного. Не любить Алю было невозможно.

— Папа, а почему нельзя быть красивой? — Подняв голову, Настена пытливо и удивленно смотрела на него ярко-голубыми, точь-в-точь как у матери, глазами.

— Ты о чем, Ася? — Игорь отвлекся от воспоминаний.

— Дядя поет, что нельзя быть красивой такой. А мама ведь красивая-красивая. Разве это плохо? — Столько недоумения, даже обиды было написано на ее маленьком личике, что Игорь невольно улыбнулся. Попробуй объясни ребенку все хитросплетения взрослых отношений!

— Нет, милая, не плохо. У нас с тобой не только мама красивая, но и ты красавица. — Ответ отца девочку вполне устроил. Настена кивнула и, крепче уцепившись за его руку, принялась повторять считалку, разученную вчера на уроке английского. Игорь опять углубился в воспоминания.

Он увидел ее сразу, как только вошел в актальный зал, придерживая под локоть нарядную бабушку. Совсем молоденькая девушка, стоя к нему спиной, прикрепляла к шторам гирлянду из воздушных шариков. В любовь с первого взгляда он тогда не верил. Еще меньше верилось в то, что можно влюбиться в женщину вот так — со спины. Но он влюбился. Сразу и наповал. В нежный

затылок, на котором каким-то неведомым образом держался тугой узел темно-русых волос. В выбившиеся из прически невесомые летучие прядки. В худенькую шейку с выступающими косточками позвонков, на которую эти прядки спадали. В обтянутые голубым пиджачком хрупкие плечи и высоко поднятые тонкие руки. В стройную талию, такую узкую, что ее, казалось, можно было обхватить двумя ладонями. В длинные ножки, чью точеную линию не могла скрыть даже строгая темно-синяя юбка до середины икры.

Потом он увидел ее в профиль и влюбился еще больше. А когда девушка наконец закрепила гирлянду, повернулась окончательно и Игорь встретился со взглядом огромных ярко-голубых глаз, он понял — это навсегда.

Бабушку галантно похитил старенький физик.

Подходили бывшие одноклассники. Он и так сталкивался с ними часто — в маленьком городе все на виду. Но здесь эти встречи казались особенными. Все хлопали друг друга по плечу, интересовались: «Как жизнь?», даже если разговаривали только позавчера, и это совсем не выглядело смешным.

Игорь улыбался, вспоминал, шутил вместе со всеми, но старался не выпускать из поля зрения молоденькую учительницу. Она стояла чуть в стороне, в компании других учителей. Судя по всему, ей было очень весело. Смеялась она тоже по-особенному — откидывая назад маленькую красивую голову.

Как-то сразу Игорь понял, что это она. И еще понял, что это навсегда. Он не сомневался, что пробудет рядом с этой девушкой всю жизнь, до самой смерти, и ни на мгновение не пожалеет о своем выборе. Ее невозможно было представить себе ворчащей, рассерженной или озлобленной. Он даже не мог вообразить ее постаревшей, она казалась воплощением молодости и очарования. Не

на день, не на год, а навечно, словно античная богиня, над которой не властны ни время, ни невзгоды.

Похоже, он смотрел слишком пристально, потому что она поймала его взгляд. Игорь даже испугался, что сейчас на ее лице появится выражение обиды или надменной скуки, как обычно бывает у молодых девушек, к которым проявляют повышенное внимание, но она вдруг улыбнулась ему приветливо и радостно, словно старому знакомому. Не подойти к ней после этого было просто невозможно. И он подошел. Совершенно без страха или смущения, и пригласил ее танцевать. Девушка танцевала легко и естественно, Игорь даже не сразу заметил, что для его удобства она чуть привстала на цыпочки. А когда понял, ему вдруг стало очень приятно. Весь танец он молчал. То ли от смущения, то ли от переполнявших его чувств Игорь никак не мог придумать, что бы такое сказать. Все приходящие в голову варианты казались глупыми и банальными. И тогда, точно подслушав его мысли, девушка заговорила сама:

— Меня зовут Аля. А вас?

— А меня Игорь. «Аля» — это полностью Алена? — Он обрадовался, что нашлась наконец тема для разговора. Она покачала головой.

— Алла? — Угадывать было даже любопытно. Хотя он уже знал, что каким бы ни оказалось ее полное имя, он будет звать ее только Алей.

— Нет.

— Тогда, значит, Александра?

— Опять мимо! — Она рассмеялась, и смех ее был похож на журчание лесного ручейка. — Даю вам последний шанс.

— Алеся? — Игорь старался изо всех сил.

18 — Нет, нет и нет. Не угадали. У меня ужасное имя — Алевтина. Оно такое... такое... бррр! Некрасивое и старое.